

Александр Строев, Андрей Топорков

Российско-французская летняя школа «Жизнетворчество, мистификации и подделки в России и Франции»

Общественное внимание ныне привлечено к проблеме подделок и фальсификаций благодаря тому, что Президент Российской Федерации специальным указом создал Комиссию, которой предстоит бороться с историческими фальсификациями, наносящими урон престижу нашего государства. Между тем данная Комиссия неизбежно столкнется с вопросом о том, как отличить фальсификации от плюрализма мнений, подделки — от разных научных подходов к одному и тому же вопросу.

Актуальность проблемы определяется также тем, что разного рода мистификации и подделки приобрели небывалый ранее масштаб в современной культуре (феномен «фолк-истории», популярные версии происхождения отдельных народов, распространение гигантскими тиражами пресловутой «Велесовой книги» и т.д.). Между тем, научное сообщество в значительной степени оказывается беспомощным в борьбе с псевдонаучными теориями и текстами, созданными на их основе или призванными их подтвердить. Такая ситуация угрожает

Александр Федорович Строев

Университет Новая Сорбонна,
Париж III
alexandre.stroev@univ-paris3.fr

Андрей Львович Топорков

Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Москва
atoporkov@mail.ru

самому существованию гуманитарной науки и нормальному взаимодействию между учеными и современным социумом.

Задача заключается не только в том, чтобы разоблачить ту или иную подделку, но и в том, чтобы описать сам феномен мистификаций в области литературы, фольклора и культурного творчества; выявить широкий спектр мотиваций, техник и источников мистификаций и подделок; описать основные закономерности их производства и социального функционирования.

В этом направлении уже несколько лет ведется работа по программе исследований «Автобиография и житнетворчество в России и Франции в XVIII–XIX вв.» (№ 21271), предложенной научным соглашением между РАН и СНРС. В разработке программы принимают участие ученые Франции и России, представляющие разные научные институции: Российско-французский центр исторической антропологии им. М. Блока (Российский государственный гуманитарный университет), Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Центр по изучению писем и дневников XIX–XX вв. (UMR 6563) при Национальном центре научных исследований Франции и др.

Программа предполагает серию совместных семинаров, конференций и школ для студентов, аспирантов и молодых специалистов; целенаправленный поиск в архивах и вовлечение в научный оборот труднодоступных источников на иностранных языках; подготовку серии параллельных публикаций в России и Франции; подготовку молодых двуязычных специалистов, сочетающих историческую и филологическую подготовку.

Новизна предлагаемого подхода обусловлена тем, что проблема мистификаций и подделок рассматривается участниками семинара на разнообразном материале: историко-культурном, литературном и фольклорном; в обсуждении принимают участие представители разных специальностей: историки культуры, литературоведы, фольклористы.

Основное внимание уделяется России и Франции позднего Средневековья и раннего Нового времени. Этот период заслуживает особого внимания в связи с тем, что его изучение позволяет поставить вопрос о формировании и перенесении с одной национальной почвы на другую таких стратегий житнетворчества, которые оказали определяющее влияние на европейскую культуру Нового времени. Кроме того, в период Просвещения и Романтизма в России и Франции возникло большое число разного рода мистифицированных литературных и фольклорных текстов, которые продолжают широко переиздаваться и в наше время; причем понимание этих текстов как мистификаций ныне в значительной степени утрачено,

и они все больше воспринимаются как подлинные исторические источники.

Мистификации порождают виртуальный мир, наполненный несуществующими авторами, книгами, рукописями. Нередко подобные творения материализуются и принуждают реальность соответствовать вымыслу. Подделки могут появляться до оригиналов и порождать их. Политические или исторические подделки становятся особенно многочисленными на переломе эпох, при смене культурных и общественных систем, при нарушении социальных, политических и гендерных границ. Огромное число поддельных воспоминаний, дневников, исповедей, переписок, политических завещаний возникает в XVIII—XIX вв. Подложные эго-документы создают новые формы художественного творчества, воздействуют на развитие исторического романа и мемуарного жанра, а в период Французской революции влияют на судьбы героев, в том числе и приводят их на эшафот.

Проблема становится особенно сложной, когда автор сознательно творит свою жизнь в соответствии с литературными образцами, когда он раз за разом перерабатывает свою автобиографию. Жизнетворчество превращает судьбу в произведение искусства. История трансформируется и варьируется до бесконечности, отражаясь в письмах и мемуарах, автобиографических или утопических романах, сказках и следственных делах. Иногда автор фабрикует недостающие документы или письма, подтверждающие легенду, перерабатывает переписку, публикуя ее.

Постоянный взаимообмен между перепиской, дневником, мемуарами, литературными портретами и художественной прозой, когда кочуют фразы, абзацы или целые тексты, делает необходимым тщательный текстологический анализ. Один жанр переходит в другой. Смешение подлинных переработанных писем и поддельных, написанных самим автором, превращает их в эпистолярный роман. Соединение их с дневником, подлинным или мнимым, порождает автобиографический роман. Жизнетворчество становится мистификацией, мистификация — литературой.

* * *

Летняя школа «Жизнетворчество, мистификации и подделки в России и Франции» проведена в поселении Анненский Мост Вытегорского района Вологодской области с 13 по 19 июля 2009 г. В качестве организаторов выступили Российско-французский центр исторической антропологии им. М. Блока Российского государственного гуманитарного университета (ЦМБ

РГГУ), Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ИМЛИ), Центр по изучению писем и дневников XIX—XX вв. (UMR 6563) при Национальном центре научных исследований Франции¹.

Школу открыл А.Л. Топорков (РГГУ/ИМЛИ), который выступил с докладом «Подделки и мистификации в истории культуры». Предметом подделки могут быть документы, произведения искусства, литературные или фольклорные тексты, исторические источники; мотивы создания подделок бывают преступными (незаконное обогащение), корыстными (заработок), бескорыстными (подтвердить правоту своей исторической концепции), патриотическими (вернуть народу его великое прошлое), художественными (творческая стилизация, пародия). Сопоставление подделок и мистификаций позволяет наметить два полюса: на одном — подлог как преступление, которое преследуется по закону; на другом — мистификация как законная часть литературного творчества. Основное отличие мистификации от подделки в том, что она осуществляется в расчете на последующее разоблачение. Функционирование подделок предлагается рассматривать как социальный процесс, имеющий определенную ролевою структуру. Ее обязательный минимум: фальсификатор, или имитатор, и пользователь, или адресат, жертва подделки. Участники «социальной драмы» второго ряда: реальный или мнимый автор, посредник, эксперт, публика, государство в лице репрессивных органов. Дополнительные персонажи: популяризатор, адепт, ученый-эксперт, журналист. Особое внимание докладчик уделил проблеме соотношения подделок и категории сакрального. При смене религии или идеологии ложными объявляются объекты поклонения прежней религии, а ее адепты — жуликами и мистификаторами. Обесценивание сакральных предметов ведет к их уничтожению, в современной ситуации — перемещению в музей. Значение подделок рукописей и произведений искусства для истории науки в том, что они побуждают отрабатывать методы, позволяющие отделить подделки от подлинников, развивать палеографию, методы датировки и т.д.

А.Ф. Строев (Университет Новая Сорбонна, Париж III) выступил на тему «Поддельные письма французских философов XVIII в. как литературный жанр». В век Просвещения активно подделывают письма великих философов, в первую очередь Руссо и Вольтера: они распространяются в списках, печатаются в газетах, журналах, книгах, попадают на сцену. К тому же сам фернейский старец зачастую оказывается не только жертвой,

¹ Предыдущая Летняя школа, проведенная с 7 по 12 июля 2008 г. в поселении Оштинский погост Вытегорского района Вологодской области, была посвящена теме «Автобиографические практики в культурном контексте». Информацию о ней см.: Антропологический форум. 2009. № 10. С. 387–395.

но и автором эпистолярных мистификаций. Подделки преследуют в основном две цели: очернить писателя, выставив его опасным сумасбродом, либо возвеличить его корреспондента, представив его близким другом великого человека, его наперсником, советчиком и последователем. Не только авантюристы (С. Заннович), но и аристократы (граф д'Антрег, князь А. Белосельский) отдают дань подобным мистификациям. Для привлечения читателя послания второго рода печатаются в виде предисловия к сборнику стихов или к роману. Наиболее активно этот прием использует Р.М. Лезюир, превращая подделки в род литературной игры, где Вольтер, Руссо, д'Аламбер и г-жа Жоффрен славят не только автора, но и его персонажей (роман «Удачливый философ», 1787–1788). Получение поддельного рекомендательного письма от философа делается центральной сценой комедий (Ж.Ж. Рютлидж «Бюро остроумцев», 1776; П. де Ла Монтань «Любительница физики», 1786). Поддельные письма философов следуют разработанному шаблону, воспроизводят стандартные ситуации, и их необходимо рассматривать как особый жанр, сопоставимый с поддельными политическими завещаниям и мемуарами.

Ю.П. Зарецкий (Высшая школа экономики / РГГУ) в докладе «Autos-bios-grapho: деконструкция средневековой автобиографии» поставил задачу историзировать и проблематизировать три составных элемента понятия «автобиография» (сам-жизнь-пишу) на примере древнерусских и западноевропейских средневековых текстов. Когда мы говорим об автобиографии сегодня, то имеем в виду специфический тип рассказа эпохи модерна. Когда же мы обращаемся с этими современными критериями к более ранним текстам, то обнаруживаем их «неполноценность». Этот традиционный модернистский взгляд «сверху вниз» на ранние автобиографии сегодня явно утратил свою эвристическую значимость. В основе предложенного в выступлении подхода к анализу средневековых автобиографических свидетельств лежит постструктуралистская интерпретация таких понятий, как «субъект», «автор», «письмо», «история жизни». Данный подход дает возможность переформулировать проблемы правды/вымысла, искренности/мистификации, подлинности/подделки применительно к автобиографическим свидетельствам, созданным до Нового времени. Примеры прочтения средневековых «автобиографий» были взяты из недавно вышедшей книги «История субъективности: Средневековая Европа» (сост. и вступит. статья Ю.П. Зарецкого. М.: Академический проект, 2009).

П.Ю. Уваров (Институт всеобщей истории РАН / РГГУ) рассказал о «Правде и вымысле в биографии Рауля Спифама (Raoul Spifame) (Франция, XVI в.)». Адвоката Парижского

парламента Рауля Спифама неоднократно вызывали на заседание Парламентской курии, где ему строго предписывалось воздерживаться от сочинения пасквилей и сатир против порядочных и уважаемых людей, в особенности из числа его родственников (его младший брат был советником Парижского парламента и одновременно — епископом Неверрским; советником Парламента был и его племянник, сын покойного старшего брата; прочие его племянники также занимали важные должности). Но Рауль Спифам не только продолжал судиться с ними, но к тому же, по их словам, занимался диффамацией. Наконец, по решению Парламента, над Раулем была учреждена опека «по причине помутнения рассудка», что не помешало ему в 1556 г. подпольно напечатать и распространить первый том своего сочинения “*Diceararchiae Henrici regis christianissimi progymnasmata*”. Это был сборник указов, якобы написанных самим королем Генрихом II с целью «реформации дел в Галликанской церкви и в королевстве». Самое интересное, что значительная часть этих вымышленных постановлений рано или поздно была реализована. Некоторые авторы даже включали отдельные пассажи из «Дикаеархии» во вполне серьезные публикации королевских законов. Другие видели в Спифаме гениального политического мыслителя, утописта, провидца. Интересно, что в части указов речь шла о самом Рауле Спифаме, приводились документы, свидетельствовавшие о допущенных по отношению к нему несправедливостях. «Король» брал его под свою защиту, доверял ему важнейшую (вымышленную) должность «диктатора»; в одном из указов он назывался главным советником дофина, в другом именовался даже «приемным сыном короля». Публикация этого сочинения вызвала грандиозный скандал. Тираж было приказано уничтожить. Однако, странным образом, Рауль Спифам избежал тяжких наказаний, а через два года опека с него была снята, и он продолжал числиться адвокатом Парламента, являясь к ежегодной присяге. Кто победил в споре простого адвоката с его могучими родственниками? Зачем Раулю Спифаму потребовалось включать во многом заведомо неправдоподобный «рассказ о себе» в свой утопический проект? Шла ли речь о «записках сумасшедшего»? Как реагировали на это «автобиографическое послание» современники? Анализ текста «Дикаеархии» в сочетании с актовым материалом, относящимся к семье Спифамов, позволяет прийти к неожиданным выводам...

А.Ф. Строев сделал также доклад на тему «Как переписать свою жизнь, переписывая письма: эпистолярная стратегия принца Шарля-Жозефа де Линя». Печатаемая на склоне лет многотомное собрание своих сочинений (1795–1811, 34 т.) принц де Линь включает в них свои письма к Екатерине II, Иосифу II, графу

де Сегюру, маркизе де Куаньи и др. Разоренный революцией, потерявший свои владения и бывший престиж, он берет реванш перед лицом истории и предстает как видный политик, дипломат, военачальник. В 1809 г. он перепечатывает эти письма в сборнике, вышедшем под редакцией г-жи де Сталь, а в 1812 г. публикует новый сборник, куда включает свои дружеские и любовные послания. Одновременно он готовит полное издание своей переписки; оно должно было увидеть свет после кончины принца, но так и не вышло. Научное издание переписки принца де Линя, подготовленное А. Строевым и Ж. Веркрейсом на основе рукописей, позволяет утверждать, что принц де Линь целиком и полностью переработал свои письма в процессе подготовки к публикации. Он редактирует их по несколько раз, сокращает, дописывает, меняет даты, объединяет несколько писем в одно, либо, напротив, превращает одно в два или три. Но самое главное, Линь пишет все новые и новые письма к уже исчезнувшим корреспондентам. Подлинные тексты и «новоделы» печатаются вместе; письма настолько разрастаются и видоизменяются, что переписка превращается в мемуары.

Л.И. Сазонова (ИМЛИ) представила слушателям доклад «“Шамадань моих возлюбленных мыслей!”: воспитание галантного поведения в России XVIII в.». Л.И. Сазонова рассказала о формировании в русской культуре языка любовного ухаживания и о роли в этом процессе готовых риторических форм и образцов, восходящих к опыту французской куртуазности. Если в Западной Европе непрерывающаяся традиция куртуазности существовала и после эпохи трубадуров, то в России в период возникновения и формирования светского европеизированного общества галантный стиль поведения надо было заимствовать и усваивать. Западноевропейский роман оказал здесь неопценимую услугу. Открывший русскому читателю тонкости куртуазного мировоззрения, воспитывавший новое отношение к любви как к духовному наслаждению и плодотворному переживанию, западноевропейский роман в русской культуре XVIII в. и далее, в XIX в., выполнял роль своеобразной практической риторики, оказывая влияние на литературное творчество и стимулируя создание оригинальных текстов в подобном роде. Известны произведения, кодифицирующие формы галантного поведения на основе опыта романной беллетристики, а также поэзии и драматургии. Одно из таковых — «Любовный лексикон» французского автора Жана Франсуа Дрё дю Радье (Jean-François Dreux du Radier, “Dictionnaire d’amour”, 1741) — издано в русском переводе в 1768 г. По западноевропейским романам и текстам вроде «Любовного лексикона» русские дворяне постигали науку галантного обхождения и любви.

А.Л. Топорков посвятил свое второе выступление теме «Фальсификации заговорно-заклинательного фольклора в России XIX—XX вв.». В истории русской культуры было несколько периодов, когда фабрикация подделок фольклора приобретала массовый характер: 1) период романтической донаучной фольклористики 1830—1840-х гг.; 2) сталинский период с так называемым советским фольклором; 3) современный постсоветский период с популяризацией «Велесовой книги», массовой продукцией неоязычников и т.п. Первой большой публикацией русских заговоров было собрание И.П. Сахарова, который наряду с аутентичными публиковал и тексты собственного сочинения либо тексты, перелицованные из аутентичных. Ученые реконструкции А.Н. Афанасьева, основанные на таком материале, напоминают здания, построенные на песке. Переведенные еще в 1869 г. Вильямом Рольстоном на английский язык, тексты И.П. Сахарова до сих пор активно используются зарубежными исследователями, создавая ложное представление о русской заговорной традиции.

Г.И. Кабакова (Париж, Сорбонна IV) выступила на тему «“В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем”»: райская страна в советском фольклоре». Социальный заказ 1930-х гг. требовал создания социалистического по содержанию фольклора. Советские «сказочники» дружно взялись за выполнение задания партии и создали образ советской страны как осуществившегося земного рая. В стереотипе рая как мира иного регулярно повторяются одни и те же хронотопы: метро как подземный храм, сельскохозяйственная выставка — райский сад, мавзолей, Кремль. Однако сказка оказалась не самым подходящим жанром для прославления успехов социализма и лично вождя, поскольку память жанра содержит долю условности. Для трансляции актуальных политических идей пришлось сочинить новый эпический жанр — «новину», исключая всякий намек на ироническую дистанцию. В прославлении социалистического рая участвовали все национальные литературы, строительство которых зачастую не обходилось без фальсификаций. В жанре космогонического мифа успешно разрабатывались образы Ленина и Сталина — демиургов, творцов драгоценного Слова, что разливают свет по всему миру и превращает некогда безжизненные пустыни в благоухающие сады. Поиски драгоценного Слова советского фольклора типологически напоминают известные сказочные сюжеты «Путешествие к Богу за наградой» и «Крестник Бога».

С большим интересом был заслушан доклад А.А. Петровой (музей «Московский Дом фотографии») «Русский народный костюм в фотографиях: документ, стилизация, китч и симу-

лякр». К моменту появления фотографии в России (середина XIX в.) ношение русского народного костюма уже не было распространенной практикой. Тем не менее, фотоснимки известных и малоизвестных людей в русских костюмах многочисленны и разнообразны. С одной стороны, была известна *документальная и документирующая* фотография, запечатлевавшая «русские типы» (В. Каррик), организовывались экспедиции (Российский этнографический музей, с 1900-х гг.), выставки (Этнографическая выставка в Москве, 1867), составлялись коллекции (собрание Н.Л. Шабельской). В фотоателье приходили девушки и женщины в псевдорусских костюмах, городские кормилицы в деревенском платье (1870–1890-е гг.). С другой стороны, народный костюм *стилизовали* (съемка актеров театра и кино «в ролях»); порой такая стилизация доходила до откровенного *китча* (советская эстрада, ритуалы встречи с «хлебом-солью»). Особое место занимает ношение национального костюма и позирование фотографам в жизнетворчестве отдельных персонажей русской культуры. Так, для сказительниц М. Кривополеновой, И. Федосовой, М. Крюковой, поэтов Н. Клюева, С. Есенина крестьянский костюм был реалией их повседневной жизни, а для Ф. Шаляпина, Н. Забелы-Врубель, А. Павловой — профессиональной необходимостью. В случае Л. Толстого, Николая II, В. Стасова, М. Волошина, Лили Брик, Н. Хрущева такая костюмная практика становилась уже высказыванием и знаковым поведением. В современном искусстве русский костюм оказывается востребован в качестве атрибута для инсталляций (О. Кулик, А. Петлюра) и перформансов, превращаясь в элемент карнавализованной травести (В. Мамышев-Монро, В. Кацуба, А. Петлюра, В. Бегальская, М. Любаскина).

Тема выступления А.Г. Айдаковой (выпускницы РГГУ) — «Мавзолей В.И. Ленина на Красной площади как опыт создания современной мифологии». До сих пор невозможно установить, каковы причины подобного захоронения Ленина, поскольку документальных источников не существует; известно лишь свидетельство Н.В. Валентинова (Вольского), записанное спустя несколько лет с чужих слов. Согласно ему, решение о бальзамировании тела Ленина и последующем захоронении его в мавзолее принял Сталин, сославшись на «многочисленные пожелания трудящихся масс» и проигнорировав мнение других руководителей партии (Троцкого, Каменева, Бухарина). Последние считали, что бальзамирование тела Ленина и выставление его для поклонения напоминает православный культ святых мощей, борьба с которым началась еще в 1918 г. Мавзолей Ленина с самого начала существовал для советских людей в двух регистрах. С одной стороны, это было место

своеобразного поклонения, где, по словам Маяковского, можно было «причаститься чувством класса» и приобщиться к ленинским идеям. С другой стороны, мавзолей Ленина стал символическим центром, рядом с которым проводились демонстрации, парады и многие другие акции, консолидировавшие людей во имя правого дела. И наконец, вобрав в себя массу как религиозных, так и атеистических идей и смыслов, мавзолей Ленина своим появлением обозначил кульминацию становления в России новой похоронной обрядности и нового, официального, отношения к смерти, возникновения связанных с ней культов. Существует параллелизм между символическим комплексом мавзолея и учением Н.Ф. Федорова о «жизневоссоздании», т.е. о физическом воскрешении покойных путем собирания атомов и молекул, некогда входивших в состав умершего тела (кстати, одним из приверженцев идеи телесного воскрешения был и Л.Б. Красин — руководитель и «вдохновитель» работ по бальзамированию вождя).

Выпускница РГГУ Т.А. Ткаченко посвятила свой доклад болезненному вопросу «Проблемы лжесвидетельства и критики достоверности в современном историографическом дискурсе о Холокосте». В современной историографии Холокоста существует негласный постулат о привилегированном статусе свидетеля. В особенности это касается бывших узников нацистских концлагерей. Свидетельские показания о концлагерях не принято подвергать сомнению, при этом разные историки вырабатывают собственные подходы к проблемам установления фактов, изучению свидетельств и их интерпретации. К сожалению, не раз имели место вопиющие факты лжесвидетельства. При этом попытки развенчания предпринимают в основном историки-ревизионисты, тогда как в традиционной историографии встречаются лишь единичные упоминания об этой проблеме. Информация о разоблачениях лжесвидетелей чаще всего становится предметом обсуждения в прессе, вызывая резкое осуждение со стороны общества. Это явление фактически ставит под угрозу статус свидетеля и акцентирует проблематику достоверности свидетельства. Одним из самых шумевших разоблачений стало недавнее (вынужденное) признание испанского ветерана, возглавлявшего группу “Amical de Mauthausen”, в том, что в течение нескольких десятилетий он обманывал общественность, выдавая себя за узника концлагеря Флоссенбург.

А.А. Голованова (выпускница РГГУ) сделала доклад «Эмигранты второй волны: особенности конструирования автобиографических нарративов». В основе доклада — исследование воспоминаний бывших остарбайтеров о пребывании на работах в Германии. А.А. Голованова сравнила два способа пред-

ставления событийного ряда: в комплексе автобиографических писем эмигрантов второй волны, или так называемых «невозвращенцев», и в нарративных интервью остарбайтеров, вернувшихся в СССР. Выделив сквозной сюжет рассматриваемых писем и устных воспоминаний, автор обнаружила много сходного: это рассказы о приходе немцев, уgone в Германию, жизни и работе в немецких трудовых лагерях, возвращении или невозвращении на родину, а также краткий рассказ о жизни после немецкого плена. Однако способы отбора событий и выстраивания нарративов вернувшимися и «невозвращенцами» имели достаточно мало общего. Очевидно, что по сравнению с воспоминаниями вернувшихся остарбайтеров, в письмах «невозвращенцев» был преуменьшен драматизм судеб остарбайтеров, акцент сделан на насильственном характере советской репатриации. В докладе делается вывод о принципиальном влиянии на воспоминания «невозвращенцев» русского зарубежья, культивировавшего представление о коммунистах как о «внутреннем враге» России, что привело к осмыслению работы у немцев как этапа освобождения «из советского плена».

Кроме этого, на Школе выступили с сообщениями студенты РГГУ: И.И. Мартыанова («Жизнетворчество “беглого епископа” Жака-Поля Спифама»); П.А. Соколинская («Жанна дез Анж: фальшивая святая на Луденском процессе»); А.В. Нечитайло («Дети в религиозных войнах во Франции (по материалам нарративных источников)»).

Школа завершилась круглым стол «Жизнетворчество и подделки во Франции и России» (ведущие — А.Ф. Строев, Ю.П. Зарецкий).

Во время работы Школы ее участники совершили экскурсии по поселению Анненский Мост и городу Вытегра, посетили Ферапонтово и Кирилло-Белозерский монастырь.

Во время заседания

Александр Строев и Павел Уваров

Андрей Топорков, Лидия Сазонова и Екатерина Публичук

Анастасия Айдакова и Юрий Зарецкий

Александр Строев и Татьяна Ткаченко

Галина Кабакова и Андрей Топорков

Екатерина Публичук, Валентина Талис, Анна Голованова
и Анастасия Айдакова в Вологде

Анна Петрова, Вологда

Участники летней Школы проводят фотосессию